

ОРИГИНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

Медико-санитарное состояніе Сѣвера Европейской Россіи въ связи съ бытовыми условіями.

А. В. Сивре.

Записанный судьбою на крайній Сѣверъ Европейской Россіи въ своемъ трехлѣтнемъ скитаніи отъ „Сабли“ Уральскаго хребта и устья Печоры до границы Норвегіи по странамъ зырянъ, самоѣдовъ, поморовъ, корель и лопарей я старался подмѣтить и запомнить бытовыя особенности нашего Сѣвера и изучить въ немъ положеніе медицины.

Медицинское дѣло въ Россіи за послѣдніе десятки лѣтъ широко развилось. Съ тѣхъ поръ, какъ почти повсюду Приказъ Общественнаго Призрѣнія уступилъ свое мѣсто земству, типъ уѣзднаго лекаря, безирекословнаго исполнителя власти „Совѣта больницы“, замѣнился тишомъ энергичнаго земскаго врача. Врачи пошли въ народъ, чтобы помочь ему своими знаніями, облегчить его физическія страданія и развить его.

Насколько послѣдняя задача къ великому огорченію всѣхъ не выполнена, настолько первая дала благотворные результаты, Земская медицина такъ быстро дѣлала успѣхи, что между Приказомъ Общ. Призрѣнія и ею теперь лежитъ глубокая пропасть.

Въ послѣдніе годы чаще и чаще стали раздаваться голоса о бесполезности земской медицины, пока народъ не будетъ развитъ. Насколько правды въ этомъ взглядѣ, настолько и увлеченія. Лицамъ не только „малообразованнымъ“, но и такъ называемымъ „интеллигентамъ“, не изучавшимъ естественныя науки или медицину, многое непонятное для нихъ представляется чѣмъ-то таинственнымъ; они думаютъ, что обыкновенные врачи не знаютъ этихъ тайнъ, и потому скорѣе чѣмъ врачамъ довѣряютъ людямъ,

по ихъ мнѣнію, знакомымъ съ глубокими тайнами природы: знахарямъ, ясновидцамъ и проч. Суевѣріе и знахарство существовало всегда и всегда будетъ существовать въ той или иной формѣ, пока родъ человѣческій будетъ смертнымъ.

Нашъ Сѣверъ отъ границы Норвегіи до границы Азіи на всемъ пространствѣ занятъ одной лишь Архангельской губерніей, и потому, изучивши положеніе медицины въ ней, можно говорить вообще о медицинѣ на Сѣверѣ Европейской Россіи. Сюда лишь недавно стали проникать новыя вѣянія и потому теперь здѣсь представляется смѣсь стараго строя съ новымъ. Съ 1894 года всѣ уѣзды Архангельской губерніи, за исключеніемъ Александровскаго, раздѣлены на два участка: уѣздный и сельскій. Все огромное пространство Архангельской губерніи раздѣлено съ этого времени на 17 врачебныхъ участковъ (9 уѣздныхъ и 8 сельскихъ) и 36 самостоятельныхъ фельдшерскихъ. Уѣздный врачъ живетъ въ городѣ, завѣдуетъ больницей Приказа Общ. Призрѣнія, завѣдуетъ всѣмъ участкомъ, гдѣ имѣется нѣсколько фельдшерскихъ пунктовъ (это его „сельская часть“), исполняетъ судебно-медицинскія, медико-полицейскія, санитарныя и прочія функціи, служитъ тюремнымъ, военнымъ врачомъ, и проч. и проч. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ врачъ исполняетъ всѣ эти функціи; исключеніе составляетъ Александровскій уѣздъ (Лапландія и Мурманъ), гдѣ нѣтъ воинской команды, и Печорскій, гдѣ кромѣ того нѣтъ и тюрьмы. Въ селѣ Усть-Цыльмѣ, замѣняющемъ въ Печорскомъ уѣздѣ городъ, и въ остальныхъ уѣздныхъ городахъ Архангельской губерніи имѣются больницы „Приказа“ на 6—8 кроватей. Въ Кеміи и Шенкурскѣ число кроватей доходитъ до 24. Больницей завѣдуетъ уѣздный врачъ съ двумя „лекарскими учениками“, но главное управленіе предоставлено „совѣту больницы“, который состоитъ изъ председателя—исправника и членовъ: врача, воинскаго начальника и городского старосты. Совѣтъ больницы завѣдуетъ всей хозяйственной частью, составляетъ ежегодную смѣту расходовъ, получаетъ установленную плату съ больныхъ, контролируетъ продажу медикаментовъ и проч. Обязанности и права врача болѣе ограничены, онъ ближе стоитъ къ медицинскому дѣлу. Больницы „Приказа“ всѣ отличаются грязью, отсутствіемъ вентиляціи и самыми примитивными ватерклозетами; онѣ малы и тѣсны. Особенно неприятное впечатлѣніе производитъ больница въ Печорскомъ уѣздѣ.

Въ Мезени больница снаружи представляется очень хорошей и большой, но внутреннее ея устройство поражает своимъ страннымъ планомъ, отсутствіемъ вентиляціи и неотмываемой грязью. Въ Александровскѣ новая больница, какъ и весь этотъ скороспѣлый игрушечный городокъ, отличается внѣшней чистотой и такой обильной сквозь стѣны вентиляціей, что поддерживать обычную температуру въ ней невозможно. Кстати не мѣшаетъ упомянуть, что въ Александровскѣ иногда нечѣмъ бываетъ кормить больныхъ, потому что въ городѣ не всегда бываетъ достаточно провизіи. Въ самомъ Архангельскѣ губернская больница носитъ всѣ признаки дореформеннаго строя. При больницахъ имѣются аптеки „Приказа“, въ которыхъ производится продажа медикаментовъ по аптекарской таксѣ, какъ ручная, такъ и по рецептамъ врачей. Кромѣ того при этихъ больницахъ существуютъ „сельскія“ аптеки и сравнительно небольшой „сельско-врачебный“ инвентарь. Изъ „сельскихъ“ аптекъ медикаменты выдаются бесплатно лицамъ крестьянскаго сословія. Обязанности фармацевта исполняетъ старшій лекарскій ученикъ.

Сельско-врачебное дѣло, стоящее близко къ земскому, является отдаленной реформой въ Архангельской губерніи. Д-ръ Орнатскій положилъ въ это дѣло много энергіи и труда и сельско-врачебная часть, которая теперь имѣетъ болѣе привлекательный видъ по своей независимости и лучшему устройству, чѣмъ такъ называемая уѣздная часть, ему обязана своимъ положеніемъ въ Архангельской губерніи.

Сельскій врачъ, живущій въ какомъ-нибудь селѣ, исполняетъ тѣ-же функціи, что и уѣздный, но онъ освобожденъ отъ больницы „Приказа“, воинской команды и тюрьмы. У сельскаго врача нѣтъ ничего общаго съ Приказомъ Общ. Призрѣнія; его дѣятельность болѣе самостоятельна. Онъ завѣдуетъ „пріемнымъ покоемъ“, при которомъ имѣется аптека съ бесплатной раздачей медикаментовъ. Въ его вѣдѣніи при „покоѣ“ находится одинъ фельдшеръ. Въ сельскихъ пріемныхъ покояхъ нѣтъ постоянныхъ кроватей для стационарныхъ больныхъ, а имѣются лишь 2—3 кровати для экстренныхъ случаевъ, причемъ больные должны имѣть свое бѣлье и пищу. Это большой недостатокъ въ сельско-врачебномъ дѣлѣ Архангельской губерніи. Врачи назначаются и утверждаются губернаторомъ. Сельскій врачъ подчиненъ Врачебному Отдѣленію, а уѣздный кромѣ того фактически и „совѣту больницы“, председателемъ котораго, какъ я упомянулъ, бываетъ не врачъ, а мѣстный исправникъ. Послѣднее обстоятельство сильно тяготитъ врачей и подчасъ отзывается на ходѣ больничнаго дѣла.

Въ составъ врачебныхъ участковъ входятъ, какъ я уже говорилъ, фельдшерскіе пункты, которыми завѣдуютъ „сельскіе медицинскіе фельдшера“.

Эти пункты, устроенные чаще при какомъ-нибудь волостномъ правленіи, рѣдко имѣютъ удовлетворительный видъ; ихъ обстановка бѣдна, количество инструментовъ крайне ограничено. При пунктахъ имѣются аптеки съ небольшимъ количествомъ медикаментовъ, раздавать которые полагается бесплатно. Фельдшера практикуютъ самостоятельно и ежемѣсячно представляютъ мѣстному врачу вѣдомости. Врачъ долженъ ревизовать фельдшерскіе пункты „возможно чаще“, но... въ Архангельской губерніи существуетъ много мѣстъ, гдѣ врачъ можетъ быть не болѣе 2—3 разъ въ годъ; упомяну для примѣра въ Александровскомъ уѣздѣ Кузоменскій ф. пунктъ на Терскомъ берегу, въ Печорскомъ—Устькожвинскій пунктъ, въ Мезенскомъ—Долгощельскій и т. п. Поэтому фельдшеризмъ въ Архангельской губерніи играетъ видную роль и сильно вліяетъ на положеніе медицинскаго дѣла въ этомъ краю. Диагнозы подчасъ поражаютъ не только врача и интеллигентную публику, но и простой народъ, а леченіе, въ лучшемъ случаѣ, назначается по шаблонамъ. Это обстоятельство заставляетъ относиться къ статистическимъ даннымъ врачебныхъ отчетовъ въ высшей степени скептически. Въ Александровскомъ уѣздѣ нѣтъ сельско-врачебнаго участка, а между тѣмъ Мурманскій берегъ весной и лѣтомъ наполняется пріѣзжающими сюда поморами съ береговъ Бѣлаго моря и промышленниками изъ Олонецкой и Вологодской губерніи. Чтобы это населеніе не оставалось безъ медицинской помощи, Архангельское мѣстное управленіе Общества Краснаго Креста построило на Мурманѣ нѣсколько больницъ. Для завѣдыванія этими больницами командированъ врачъ и въ помощь ему приглашается студентъ-медикъ старшихъ курсовъ. Ежегодно въ мартѣ мѣсяцѣ изъ Архангельска отправляется отрядъ „Краснаго Креста“, состоящій изъ врача, нѣсколькихъ сестеръ милосердія и фельдшеровъ. Отрядъ проѣзжаетъ сухимъ путемъ все Поморье, Корелію и Лапландію и открываетъ больницы съ начала апрѣля или конца марта. Въ половинѣ августа, когда промышленники покидаютъ Мурманъ, отрядъ возвращается въ Архангельскъ. „Красный Крестъ“ можетъ служить идеаломъ постановки больничнаго дѣла въ Архангельской губерніи: при отсутствіи лишней отчетности и переписки, при изобиліи медикаментовъ и припасовъ для больныхъ здѣсь можно оказать существенную помощь больному населенію. Больницы „Краснаго Креста“ (Цыпъ-Новолокская, Териберская и Гавриловская) велики, свѣтлы и чисты. Пріемными покоями (1 въ Норвегіи и 2 въ Россіи) служатъ частные дома, они страшно холодны и малы, но чистота, поддерживаемая стараніями сестеръ милосердія, придаетъ имъ лучшій видъ.

Что касается положенія врачей въ Архангельской губерніи, то необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что врачи неохотно идутъ служить сюда и потому полного комплекта почти никогда не бываетъ. Въ данное время изъ 8 мѣстъ сельскихъ врачей занято лишь 3, а 5 остаются вакантными и никакія „привиллегіи“ не могутъ заставить врачей въ глушь Архангельскихъ лѣсовъ и болотъ, гдѣ лѣтомъ приходится „объѣзжать“ свой участокъ пѣшкомъ, или въ лодкахъ на бичевѣ со скоростью 2—3 верстъ въ часъ (Печорскій, Кемскій у. и др.), гдѣ иногда приходится кормиться гнилой пищей и терпѣть многія другія лишения, связанныя съ пребываніемъ въ сѣверномъ пространствѣ. Жалованье врачи получаютъ 1500 р. (600 р. жалованья, 600 столовыхъ 300—разѣдныхъ). Нужда гонитъ врачей вездѣ по Россіи, заноситъ ихъ и въ Архангельскую губернію, откуда выбраться не всякому легко. Заброшенные судьбою (чаще бывшіе стипендіаты) за тысячи верстъ отъ родныхъ городовъ, отъ центровъ умственной жизни въ глушь Архангельскихъ лѣсовъ, отдѣленные отъ всего цивилизованнаго міра или тундрой, или глухой „тайболой“, проуносящей почти разъ въ недѣлю, а весной и осенью по два мѣсяца задерживающей всякое сообщеніе, среди зырянъ, самоѣдовъ, лопарей, они невольно тупѣютъ и глохнутъ. Отсутствие умственной жизни подавляетъ врачей; имъ не съ кѣмъ подѣлиться своими мыслями, потому что составъ уѣздной администраціи по своему умственному развитію, какъ всѣмъ извѣстно, стоитъ очень не высоко: вино и карты, карты и вино, изрѣдка прерываемыя полусонными разсказами о рапортѣ, отношеніи, замѣчаніи или выговорѣ—вотъ все, что можно услышать тутъ. Практическая дѣятельность не можетъ удовлетворять врача, потому что условія подавіи помощи крайне тяжелы: отсутствіе нужныхъ инструментовъ, отсутствіе подчасъ самыхъ необходимыхъ медикаментовъ, грязная бѣдная больничная обстановка, невѣжество общества и паціентовъ—все это ошеломляетъ всякаго врача, заставляетъ самыхъ энергичныхъ людей опускать руки и бѣжать. Въ Архангельской губерніи на cadaго амбулаторнаго больного полагается расходовать лекарствъ на 5 коп., а на стационарнаго ежедневно на 3 коп. Такой болѣе чѣмъ скромный расчетъ, разумѣется, вызываетъ недостатокъ медикаментовъ. Врачъ ходитъ къ больнымъ, ставитъ диагнозы, а лекарства нѣтъ. Народу не нуженъ дипломированный врачъ, не нужны его диагнозы, а нужна очевидная помощь и вотъ больные отъ врача идутъ къ знахарямъ, которые за большія деньги раздають имъ всякія лекарства, дають при этомъ имъ совѣты, случайно приносятъ вредъ, о которомъ сѣмѣютъ промолчать, случайно—пользу, о которой прогремятъ на весь уѣздъ и врачъ отходитъ на второй планъ, а первое лицо—знахарь. Эти слова—не плодъ празднои фантазіи,

а передача фактовъ, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться въ первые-же дни моей службы на Печорѣ.

Говоря о “цынгѣ на Мурманѣ”, я обѣщался сообщить причины, почему врачи, долго живущіе на сѣверѣ, не хотятъ подѣлиться со своими товарищами тѣми наблюденіями, которыя они приобрѣли своимъ долготѣннымъ опытомъ. Теперь, когда я указалъ на тяжелое положеніе архангельскихъ врачей, всякому понятно, что при такой обстановкѣ нельзя и думать о литературномъ трудѣ. Громадныя пространства нашего сѣвера, отдѣляя одного врача отъ другого, не позволяютъ совмѣстно осмотрѣть какого-нибудь интереснаго больного, совмѣстно обсудить какой-нибудь специальный вопросъ; кромѣ того отсутствіе литературныхъ источниковъ и обычная задержка почтой даже тѣхъ немногихъ журналовъ, которые выписываются врачами—все это приводитъ къ тому, что архангельскіе врачи не рѣшаются опубликовывать свои наблюденія. Положеніе фельдшеровъ еще тяжелѣе: жалованіе отъ 14 до 25 рублей едва хватаетъ холостымъ, а женатыхъ заставляеть искать побочныхъ доходовъ, а это часто очень вредно отзывается на ихъ медицинской дѣятельности. О тяжеломъ положеніи повивальныхъ бабокъ можно судить уже потому, что онѣ получаютъ 10 рублей въ мѣсяць и послѣ 15 лѣтъ службы ихъ жалованіе доходитъ до 16 р.:—это maximum. Я не буду говорить о нравственно-тяжеломъ положеніи этихъ дѣвушекъ, заброшенныхъ за сотни верстъ отъ родной семьи, оно понятно всякому.

Архангельская губернія, занимая огромное пространство, естественно, не можетъ носить вездѣ одинаковый характеръ: природа береговой линіи океана и Бѣлаго моря рѣзко отличается отъ природы болѣе континентальныхъ участковъ губерніи. Мало того, этихъ двухъ подраздѣленій недостаточно, потому что каждое изъ нихъ можетъ быть подраздѣлено еще на другіе болѣе мелкіе участки, носящіе рѣзкія отличительныя черты.

Океанъ, омывающій Мурманскій берегъ Кольскаго полуострова, совершенно не похожъ на океанъ, оковавшій берегъ Тиманской и Больше-земельской тундръ. Между тѣмъ, какъ первый вдоль Мурманскаго берега подъ влияніемъ теплаго теченія остается далеко на сѣверъ всегда открытымъ настолько, что здѣсь круглый годъ возможно пароходное сообщеніе, океанъ около устья Печоры, покрытый полярнымъ льдомъ, рѣдко даетъ свободный проѣздъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ году (отъ половины іюля до половины сентября). Подъ влияніемъ этого и климатъ Мурмана и Лапландіи не похожъ на климатъ Тиманской и Больше-земельской тундры. Въ Лапландіи не страшень сѣверный вѣтеръ, онъ лишь тяжело отзывается лѣтомъ на Мурманскихъ промыслахъ, но для жителя востока—самоѣда—этотъ вѣтеръ такъ страшень, что умило-

стивительныя кровавыя жертвы богу „Сиверу“ до сихъ поръ еще практикуются. Природа береговой линіи Ледовитаго океана очень бѣдна. Голыя, сѣрыя скалы, имѣющія своеобразную дикую прелесть не надолго покрываются зеленымъ ковромъ различныхъ мховъ и ползучая береза, укрывающаяся отъ сѣвернаго вѣтра, плотно прижавшись къ холодной скалѣ, не надолго распускаетъ свои зеленыя листья: отъ сентября до конца мая эти скалы покрыты снѣгомъ и лишь уступы, открытые для вѣтра, выдѣляются безжизненными сѣрыми пятнами.

Чѣмъ дальше на югъ отъ береговъ суроваго океана, тѣмъ природа становится богаче и каждая сотня верстъ на югъ даетъ новыя виды. За ползучей березой сначала появляется ель съ тощей согнувшейся, часто обвившейся вокругъ нея, березой, а еще южнѣе появляется сосна и лиственница. Дремучія сосновыя и елевыя „тайболы“ тянутся большими островами отъ Архангельска на востокъ до самаго Уральскаго хребта и на западъ до Кореліи. Берега океана отъ конца апрѣля до начала іюля круглыя сутки освѣщаются незакатывающимся солнцемъ, за то почти три зимнихъ мѣсяца житель этихъ береговъ не видитъ солнечнаго свѣта. Въ болѣе южныхъ частяхъ полуночнаго солнца не видно, но всетаки лѣтняя ночь по освѣщенію почти не отличается отъ дня.

Соотвѣтственно различію климата въ отдѣльныхъ мѣстахъ Сѣвера встрѣчаются тѣ или другія бытовыя особенности. На востокѣ по р. Печорѣ живутъ зыряне и самоѣды.

Самоѣды живутъ преимущественно въ тундрѣ и ведутъ кочующій образъ жизни. Ихъ жилища—чумы,—какъ всѣмъ извѣстно, устраиваются изъ жердей и оленьихъ шкуръ. Отсутствіе лѣса въ тундрѣ заставляетъ самоѣдовъ искать топлива въ различныхъ оврагахъ, гдѣ растетъ ползучая береза, дающая больше дыму, чѣмъ тепла. Иногда цѣлыя недѣли когда „подымется погода“, самоѣды не видятъ огня. Отсюда понятно, почему самоѣды и кочующіе зыряне привыкли къ сырой пищѣ, понятно и то, почему эти люди всегда закутаны въ оленью одежду.

Зыряне, поселившіеся по берегамъ р. Печоры, живутъ большею частью осѣдло, занимаются лѣснымъ и звѣриннымъ промыслами; эти зыряне близко стоятъ къ вологодскимъ, какъ по обычаямъ, такъ и по языку; они крайне невѣжественны, грубы и лѣнны. Ихъ жилища, не смотря на обиліе строевого лѣса, очень малы и грязны. Ихъ одежда состоитъ изъ ситцевыхъ рубахъ и сарафановъ, а верхняя сшита изъ оленьяго мѣха. Не смотря на ихъ любовь къ банѣ, они всегда очень грязны. Зыряне официально считаются православными, мѣстное духовенство ихъ считаетъ раскольниками, но, вѣрнѣе у нихъ нѣтъ опредѣленныхъ религіозныхъ возрѣвнй и они болѣе склонны къ фетишизму. Свобода люб-

ви въ самомъ грубомъ смыслѣ этого слова царить здѣсь въ полной силѣ и, если совершаются у нихъ браки въ церквахъ, то лишь для того, чтобы найти лишній предлогъ для пира. Отъ этихъ зырянъ рѣзко отличаются зыряне-ижемцы, живущіе на р. Ижмѣ, притокѣ р. Печоры. Отъ вологодскихъ зырянъ они отличаются языкомъ, обычаями и даже типомъ. Въ ихъ языкѣ много русскихъ и иностранныхъ словъ. Ижемцы наружно очень религіозны, дѣлаютъ большія пожертвованія въ православныя церкви, строятъ много каменныхъ довольно красивыхъ церквей, но все это изъ одного честолюбія. Трудно представить себѣ болѣе честолюбивыхъ, любопытныхъ, хитрыхъ, любящихъ легкую наживу людей, чѣмъ ижемцы. Многіе изъ нихъ бываютъ каждый годъ въ Москвѣ, когда свозятъ замшу своего производства и лѣсную дичь. Москва надѣлила ихъ вѣишимъ лоскомъ и они почти все носятъ пиджаки, галстухи, бумажныя манишки, резиновыя калоши, котелки, зонты и проч. Грамотность у нихъ развита значительно и школь у нихъ довольно много. Ихъ дома поражаютъ подчасъ своею роскошью, какъ вѣишимъ устройствомъ, такъ и обстановкой, которую они не рѣдко привозятъ изъ Москвы. Отличныя керосиновыя лампы и стеариновыя свѣчи освѣщаютъ ихъ комнаты. Ихъ пища зимой состоитъ изъ соленой и свѣжей рыбы (семга, осетрина, сига, чирь, нельма и др.) и оленины, но лѣтомъ эти продукты употребляются всегда сильно разлагающимися, а иногда загнившими до того, что рыба превращается въ какую-то кашицеобразную массу. Алкоголизмъ, не только среди мужчинъ, но и женщинъ, развитъ страшно, сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другой части Архангельской губерніи. Куреніе табаку лишь недавно стало вводиться сюда, но нюханіе табаку довольно сильно развито даже среди молодежи. Кстати упомяну объ одномъ курьезѣ: по берегу Ижмы въ мхахъ очень много растетъ чемерицы (*veratrum album*). Зыряне иногда собираютъ корни этого растенія, сушатъ и въ видѣ фармакологическаго опыта угощаютъ этимъ препаратомъ любителей чужого табаку; результатъ понятенъ. Лѣтняя одежда у мужчинъ, какъ я отчасти упомянулъ, имѣетъ европейскій покррой. Одежда женщинъ состоитъ изъ своеобразнаго съ длинными рукавами, очень неизящнаго ситцеваго, но чаще шерстянаго или шелковаго сарафана и головной повязки. Зимняя одежда, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ состоитъ изъ малицы, совика и пимовъ. Типъ этой одежды съ небольшими варіаціями распространенъ по всему Сѣверу; его преимущество состоитъ въ отсутствіи застежекъ, такъ что никакой вѣтеръ не можетъ проникнуть подъ шубу.

Ижемцы очень любятъ лечиться: знахари, гомеопаты, коновалы практикуютъ здѣсь отлично и трудъ ихъ хорошо оплачивается; заволоки, леченіе глазъ крымзой, различныя мази изъ

смѣси сулемы, купороса, скипидара и проч., съ саломъ, внутреннее употребленіе раствора мыла для ускоренія родового акта и т. п.—вотъ народная медицина зырянъ. Для полученія аборта внутрь даютъ порохъ, но къ этому прибѣгаютъ рѣдко, потому что нравственность ижемскихъ дѣвушекъ, въ отличіе отъ вологодскихъ зырянокъ, почти безупречна. Главное занятіе зырянъ (ижемцевъ)—это оленеводство, дающее имъ большіе доходы. Зыряне привыкли къ роскоши и живутъ въ тундрѣ съ оленями лишь лѣтомъ, а зиму, самое суровое и тяжелое для кочевниковъ время, они проводятъ въ своихъ селлахъ, гдѣ все занятіе ихъ состоитъ въ пирахъ и катаньи на рыскахъ и оленяхъ. Кочуя лѣтомъ въ тундрѣ, одни доходятъ до береговъ Океана, до Югорскаго Шара, другіе, переправляясь черезъ “Камень,” (Ураль), доходятъ до Обдорска. Встрѣчаясь въ тундрѣ съ постоянными кочевниками, зыряне ведутъ мѣновую торговлю: взамѣнъ чая, сахара, хлѣба низкопробной водки и проч. они получаютъ олени мѣха, пушного звѣря и различную рыбу. Конкурентами въ этой торговлѣ для нихъ являются “пустозеры,”—жители низовья Печоры. Пустозеры—это потомки сосланныхъ съ протопопомъ Аввакумомъ раскольниковъ. Основанный ихъ предками городокъ Пустозерскъ теперь совершенно умираетъ; но вмѣсто него развиваются другія села. Быть пустозеровъ почти не отличается отъ быта поморовъ.

На западъ, рядомъ съ Печорскимъ уѣздомъ, расположенъ Мезенскій. Этотъ уѣздъ въ бытовомъ отношеніи можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько отдѣловъ. Верховье р. Мезени, граничащее съ Вологодской губерніей заселено сравнительно бѣднымъ, живущимъ при дурныхъ санитарныхъ и экономическихъ условіяхъ населеніемъ, частью русскимъ, частью зырянскимъ. Ихъ жилища, обычно одноэтажныя на высокомъ деревянномъ фундаментѣ, всегда грязны и закончены. Ихъ дома освѣщаются лучиной—лампы встрѣчаются рѣдко. Ихъ промыслы—рубка и сплавъ лѣса и охота на дичь и пушного звѣря. Въ низовьѣ Мезени населеніе, близко стоящее по языку, типу и обычаямъ къ поморамъ, живетъ въ лучшихъ санитарныхъ и матеріальныхъ условіяхъ. Ихъ дома чище и больше; внутренняя обстановка имѣетъ много предметовъ роскоши, привезенныхъ изъ Москвы и Петербурга. Одежда мужчинъ состоитъ изъ русской рубахи и шароваръ, а иногда и пиджака. Верхняя одежда—та-же малица, совикъ и пимы. Костюмъ женщинъ своеобразенъ и красивъ: ихъ парчевые сарафаны съ головными повязками, вышитыми жемчугомъ, заставляютъ вспомнить боярскіе костюмы. Культура проникла сюда, и малицы вытѣсняются европейскими костюмами. Грамотность развита здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ верховьяхъ Мезени. Земледѣліе хотя и распространено въ Мезенскомъ уѣздѣ сильнѣе, чѣмъ въ Печорскомъ, но даетъ плохіе доходы: сѣется

жито, немного картофеля. Рыбный промысел развит довольно сильно: лѣтомъ и осенью идетъ ловъ семги, омыля и др., а съ наступленіемъ зимы начинается ловъ наваги и перевозка ея большими обозами черезъ Вологду и Москву. Около г. Мезени построены два лѣсопильные заводы, дающіе заработокъ мѣстному населенію, но благодаря отсутствію правильнаго надзора здѣсь можно видѣть и эксплуатацію рабочихъ и искалѣченныхъ тружениковъ.

Далѣе на западъ идутъ Пинежскій, Холмогорскій, Архангелскій и Шенкурскій уѣзды. Въ этихъ уѣздахъ мы встрѣчаемъ русское население, пришедшее давно въ эти края и принесшее съ собою много чисто русскаго. Но имѣя частое соприкосновеніе съ Москвой и Петербургомъ, население не могло удержать навсегда завѣты и обычаи своихъ предковъ. Ссылка вельможъ съ ихъ свитами вносила въ эти уѣзды много чуждаго, несвойственнаго для этого края. Кромѣ того, установившійся отхожіи промыселъ отнялъ у жителей ихъ своеобразный характеръ. Жители этого края ведутъ осѣдлый образъ жизни. Земледѣліе, рубка и сплавъ лѣса, скотоводство—вотъ ихъ главные промыслы. Остальные, кромѣ развѣ отхожаго промысла, развиты незначительно. Масса лѣсопильныхъ заводовъ вокругъ самаго Архангельска даетъ очень многимъ мѣстнымъ жителямъ хорошій заработокъ.

Онежскій и половина Кемскаго уѣздовъ заселены поморами. Поморы ведутъ полукочевой образъ жизни. Каждую весну съ марта мѣсяца они отправляются черезъ Корелію и Лапландію на Мурманскій берегъ Ледовитаго океана. Весной они промышленяютъ вдоль береговъ Норвегіи и Варангеръ-фіорда, къ концу іюня они перекочевываютъ, слѣдуя за ходомъ трески, въ восточныя становища Мурманна. Въ становищахъ они строятъ станы—маленькіе дома. Трудно невидавшему эти станы представить себѣ жалкія, закопченныя, почти безъ свѣта лачуги, биткомъ набитыя рослыми поморами; необыкновенная сырость, гниlostный запахъ, отсутствіе свѣта, необыкновенная грязь—вотъ качества обыкновеннаго стана, вся обстановка котораго состоитъ изъ одного стола и наръ по стѣнамъ. Когда промыселъ идетъ хорошо и поморы цѣлые сутки проводятъ внѣ дома, тогда эти станы еще терпимы; но когда задуетъ суровая „морянка“ (Nord), когда наползутъ съ океана тяжелыя сѣрыя тучи съ дождемъ и снѣгомъ, станы наполняются промокшими поморами, атмосфера насыщается удушливой влагой. Въ обыкновенныхъ станахъ, стоя, не помѣстятся и 5 поморовъ, а между тѣмъ ихъ живетъ тутъ чловѣкъ 12 и вотъ лежатъ они цѣлые дни на своихъ нарахъ, прислушиваясь къ реву волнъ и завыванію сирены съ маяка. Странно смотрѣть, какъ быстро поддаются эти рослые, здоровые поморы полной апатіи въ дни отсутствія промысла; они ничѣмъ не хотятъ

заняться въ это время; также проводятъ они и праздничные дни, хотя бы время было и очень удобно для промысла. Въ прежніе годы, когда на Мурманѣ не было винныхъ лавокъ, водка привозилась на пароходахъ большими транспортами разъ въ недѣлю; въ этотъ день рѣдко кого можно было встрѣтить трезвымъ. Кромѣ того у богатыхъ скупщиковъ рыбы всегда имѣлась водка, чтобы въ нужную минуту ободрить поморовъ и заставить ихъ работать съ полной энергіей. Теперь, когда водка продается свободно, поморы пьютъ 7 дней въ недѣлю; они берутъ водку съ собой и „въ море“; напиваясь тамъ, они нерѣдко теряютъ свои дорогія снасти и въ дни, когда промыселъ даетъ до 200 рублей добычи на лодку („гиняку“), они пріѣзжаютъ съ пустыми руками. Поморы зарабатываютъ въ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ на цѣлый годъ. Тѣ сотни рублей, которыя они зарабатываютъ на Мурманѣ, должны итти на прокормъ всей семьи, поэтому понятно, какъ тяжело можетъ отозваться на экономическомъ благосостояніи Поморья открытіе винныхъ лавокъ на Мурманѣ. На водкѣ много не пропьешь, но у пьянаго много пропадаетъ денегъ. Алкоголизмъ у такихъ дикихъ людей, наслѣдниковъ повгородской вольницы, влечетъ за собой жестока драки и намъ не разъ приходилось лечить результаты такихъ побоищъ. Въ то время, какъ поморы промышляютъ на Мурманѣ, ихъ жены въ Поморьѣ исполняютъ всѣ крестьянскія работы и повинности. Зимой же возвратившіеся поморы промышляютъ рѣчную рыбу и идутъ на лѣсопильные заводы. У поморовъ, въ отличіе отъ ихъ женъ, нѣтъ національнаго костюма. Костюмъ женщинъ схожъ съ тѣмъ, что мы видѣли, говоря о Мезени. Съ развитіемъ лѣсопильнаго дѣла по берегамъ Бѣлаго моря, когда заводы стали быстро размножаться и давать работу мѣстному населенію, поморы неохотно идутъ на Мурманъ для весенняго промысла; большинство ихъ пріѣзжаютъ сюда съ первымъ лѣтнимъ пароходомъ въ концѣ мая. Но вообще надо отмѣтить тотъ фактъ, что количество промышленниковъ съ каждымъ годомъ прогрессивно уменьшается.

Что касается корель и лопарей, то эти вырождающіяся племена ведутъ первобытную жизнь. Корелы живутъ осѣдло по деревнямъ, состоящимъ изъ небольшого числа маленькихъ избъ, и занимаются лѣсными и рыбными промыслами. О грамотности и образованіи здѣсь и поминать нельзя. Лопари ведутъ кочевой образъ жизни подобно самоѣдамъ и подобно имъ вырождаются, отдавая свои олени стада проникшимъ сюда хищнымъ ижемцамъ. У лопарей, живущихъ обособленно, сохранился свой языкъ, обычай и одежда.

Кромѣ этихъ народовъ по берегамъ Мурмана, особенно въ западной его части, живутъ колонисты-финляндцы. Особенности бытовыхъ условій нашего Сѣвера оказываютъ огромное вліяніе на

санитарное состояніе края. Къ несчастію статистика, по которой можно придти къ тѣмъ или другимъ выводамъ, какъ я уже упоминалъ, въ Архангельской губерніи ведется такъ, что пользоваться ею можно съ крайней осторожностью. Критеріемъ точности цифръ можетъ служить лишь собственный опытъ. Я просмотрѣлъ отчетность по Архангельской губерніи за 1897-й, —98-й и —99-й года. Заболѣваемость выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1897 году на 347,589 жителей заболѣвшихъ было 55,578, что составитъ 15,6%, въ 1898 году на 375,802 ч. заболѣвшихъ было 77,080 ч., что составитъ 20,5%, въ 1899 году на 365,444 человека жителей заболѣвшихъ было 99,821, что составитъ 27,3%. Такимъ образомъ мы замѣчаемъ изъ этихъ цифръ, что заболѣваемость постепенно нарастаетъ. Этотъ фактъ находится въ связи съ развитіемъ въ послѣдніе годы въ Архангельской губерніи эпидемій. На моихъ глазахъ съ 1899 года одна эпидемія не успѣвала закончиться, какъ начиналась другая. Почти весь 1899 годъ на р. Ижмѣ длилась эпидемія сыпного тифа. Но тифъ носилъ здѣсь какой-то доброкачественный характеръ и давалъ % смертности сравнительно небольшой. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1899 года въ одно село моего участка на р. Ижмѣ Печорскаго уѣзда занесена была изъ одного монастыря Вологодской губерніи оспа. Болѣзнь быстро охватила всю деревню, но за отсутствіемъ правильныхъ путей сообщенія она держалась все дѣло въ 2—3 деревняхъ. Какъ только настала зима, установился санный путь, пріѣхали изъ тундры кочевники, не имѣющіе представленія объ оспенной вакцинѣ, оспа быстро развилась въ большую эпидемію. Я пытался помимо вакцинаціи бороться съ оспой путемъ изоляціи, но встрѣтилъ сильный отпоръ со стороны населенія и хотя я добился устройства отдѣльнаго оспеннаго дома, но было уже поздно. Зыряне не любятъ дома сидѣть и оспа была разнесена почти по всѣмъ домамъ. Дезинфекція растворами не могла раціонально примѣняться, потому что обстановка зырянъ и самоѣдовъ: ковры, одѣяла, ихъ одежда—все это сдѣлано изъ оленьяго мѣха, который портится отъ воды: обиліе мѣховъ не позволяло производить дезинфекцію безъ нанесенія большого матеріальнаго ущерба населенію. Дезинфекція хлоромъ, которую я сталъ примѣнять, не очищала даже мою совѣсть. Такимъ образомъ борьба съ эпидеміей ограничивалась леченіемъ больныхъ. По отчетности въ 1899 году всего въ Архангельской губерніи болѣло оспой 1338 чел., изъ нихъ умерло 144 чел. Большая часть больныхъ приходилась на мой участокъ (Печорскаго сельскаго врача).

Къ марту мѣсяцу оспа отправилась вмѣстѣ съ кочевниками въ Большеземельскую и Тиманскую тундру, захвативъ предварительно всѣ селенія береговъ Печоры. Здѣсь, какъ я упоминалъ,

живутъ зыряне-раскольники; въ оспенной вакцинѣ они видятъ печать антихриста, а въ натуральной оспѣ—благодать Божію, и потому не только не позволяли прививать оспу, но сами распространяли эпидемію: они брали пряникъ или просто кусокъ хлѣба, терли имъ пустулы больного и затѣмъ этой „благодатью“ кормили здоровыхъ дѣтей. Эпидемія съ кочевниками прошла черезъ „Камень“ въ Тобольскую губернію (Березовскій уѣздъ) и въ Тиманскую тундру. Въ 1900 году въ ноябрѣ я снова встрѣтился съ ней въ г. Мезени, куда привезли ее кочевники изъ Тиманской тундры; но здѣсь мы успѣли произвести вакцинацію и оспа не дала такой эпидеміи, какъ на Печорѣ. Изъ этого примѣра видно, что инфекціонныя заболѣванія въ Архангельской губерніи подчиняются лишь бытовымъ условіямъ; развившись въ грозныя эпидеміи, они переносятся за тысячу верстъ вмѣстѣ съ кочевниками и борьба одного врача съ такой стихіей подчасъ бываетъ смѣшна. Такой-же характеръ имѣла эпидемія кори на Печорѣ въ 1900 году, скарлатины на Мезени и въ Поморьѣ въ 1900—1901 г. и друг.

Болѣзни сѣвернаго пространства отличаются отъ тѣхъ-же болѣзней нашихъ странъ. Коклюшъ поражаетъ иногда взрослыхъ и притомъ въ рѣзкой формѣ: я помню во время эпидеміи коклюша одного ямщика лѣтъ 30, у котораго приступы коклюша были такъ сильны, что оканчивались рвотой. Сыпной тифъ, какъ я уже упоминалъ, имѣетъ легкое теченіе, смерть при немъ въ моихъ случаяхъ наступала отъ осложненій въ легкихъ. Напротивъ болѣзни дыхательныхъ путей, которыя по частотѣ занимаютъ первое мѣсто, протекаютъ много хуже, чѣмъ въ средней Россіи: катарральный бронхитъ иногда безъ видимой причины осложняется пневмоніей со смертельнымъ исходомъ. Дифтеритъ совершенно отсутствуетъ и если въ отчетности онъ встрѣчается, то это можно объяснить лишь ошибкой, въ чемъ мнѣ пришлось убѣдиться: во время эпидеміи скарлатины одинъ врачъ почему то случаи этого заболѣванія съ дифтеритической ангиной выдѣлялъ въ особую рубрику „дифтерита“. Когда я занялъ его мѣсто, то Врачебное отдѣленіе прислало ко мнѣ другого врача съ сывороткой Roux, но изъ привезенныхъ флаконовъ ни одинъ не пришлось открыть: дифтерита не было. Малярія, не смотря на обиліе болотъ и тучи комаровъ, встрѣчается крайне рѣдко; чаще бываетъ завезена изъ другихъ мѣстъ. Желудочно-кишечныя заболѣванія встрѣчаются сравнительно часто, но нельзя замѣтить, чтобы питаніе гнилой рыбой и олениной было тому причиной; для развитія желудочно-кишечныхъ болѣзней причинъ здѣсь много: алкоголь, сырая пища, трудно переваримая ягода—морозка, жирныя шаньги (родъ лепешекъ) и мн. др. Весь сѣверъ нашъ большую часть года питается гнилой пищей: на Печорѣ—гнилая оленина, гнилые разлагающіеся чирь, сиги и сельди, на Мезени и Двинѣ—гнилая соле-

ная, но очень вкусная, треска, камбала и палтусъ и т. п. Взгляните, какъ солить эту рыбу: послѣ улова она долго лежитъ, гдѣ попало, потомъ ее „чистятъ“ грязными ножами, ее бросаютъ въ трюмъ кораблей, гдѣ по ней ходятъ въ грязныхъ сапогахъ и складываютъ въ большія бочки. Трудно себѣ представить въ какой грязи не побываетъ эта рыба; она издаетъ ужасный запахъ, но никого не отравляетъ. Отравленія рыбнымъ ядомъ не бываетъ не только среди мѣстныхъ жителей, но и среди вновь прїѣзжающихъ. Существуетъ мнѣніе, что кормленіе животныхъ гнилымъ мясомъ вызываетъ у нихъ циррозъ печени, но болѣзней печени на Сѣверѣ встрѣчается очень мало. Алкоголизмъ, который возбудилъ теперь такой огромный интересъ, какъ я уже упоминалъ, на Сѣверѣ сильно развитъ настолько, что въ отчетности подъ рубрикой „отравленіе алкоголемъ“ мы встрѣчаемъ въ 1897 году 185 случая съ 4 смертельными исходами, въ 1898 году—264 случая съ 11 смертельными исходами и въ 1899 году—218 съ 6 смертельными исходами. Не смотря на это циррозы печени встрѣчаются крайне рѣдко. Что касается цынги, то она распространена главнымъ образомъ по берегамъ Сѣвернаго ледовитаго океана и Бѣлаго моря; въ 1897 г. наблюдалось 264 случая цынги съ 4 смертельными исходами, въ 1898 г.—229 съ 4 смертельными и въ 1899 г.—218 съ 6 смертельными. Останавливаться болѣе подробно на этомъ заболѣваніи я не стану въ виду того, что все болѣе существенное я упомянулъ въ своемъ сообщеніи „Цынга на Мурманѣ“. Судебно-медицинская практика имѣетъ много своеобразнаго. Врачебное отдѣленіе требуетъ отъ врачей копии съ каждаго судебно-медицинскаго протокола; эти копии разсматриваются въ особомъ собраніи и рѣзко критикуются, даже въ отношеніи орѳографіи и каллиграфіи; резолюцію собранія препровождаютъ врачу и мировому судѣ (Судьи въ Архангельской губерніи исполняютъ обязанности слѣдователя). Трупы, не смотря на низкую среднюю температуру Архангельской губерніи бываютъ сильно загнившими, потому что вскрытіе чаще производится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти, а до тѣхъ поръ ихъ плохо консервируютъ. Желаніе сохранить трупъ по возможности свѣжимъ, до прїѣзда врача заставило одного судью посолить трупъ, но этотъ способъ оказался негоднымъ: онъ испортилъ не только трупъ, но и карьеру судьи. На сѣверѣ судебно-медицинскихъ вскрытій бываетъ сравнительно немного, но каждый почти случай полонъ курьезовъ, перечислить которыхъ нѣтъ возможности. Что касается нервныхъ болѣзней, то классификація вѣдомостей, принятыхъ въ Архангельской губерніи, не можетъ дать правильнаго представленія о томъ, какія формы преобладаютъ. Личный опытъ мой ограничивается Печорскимъ и Мезенскимъ уѣздами и Мурманскимъ берегомъ. Среди ижемцевъ въ Печорскомъ уѣздѣ, главнымъ образомъ среди женщинъ,

но не дѣвушка, можно встрѣтить много случаевъ истеріи, носящей здѣсь названіе „икоты“. Такія больныя ижемки, чтобы заставить окружающихъ обратить на нихъ вниманіе, внезапно выкрикиваютъ высокимъ фальцетомъ; нѣкоторыя изъ нихъ заявляютъ, что не могутъ видѣть какой-нибудь предметъ безъ того, чтобы не закричать такъ. Кромѣ того, такія больныя стараются симулировать припадки судорогъ съ потерей сознанія и т. п., но все это у нихъ выходитъ такъ грубо, что даже малоопытный медикъ можетъ діагностировать симуляцію. Иногда впрочемъ истерія выражается парѣстезіями. Невралгіи, особенно сѣдалищнаго нерва, встрѣчаются часто; эту частоту можно поставить въ связь съ широкимъ распространеніемъ суставного и мышечнаго ревматизма: въ 1897 году зарегистрировано 1039 случаевъ сочленовнаго ревматизма и 1815-мышечнаго, въ 1898 году—1389 случаевъ сочленовнаго и 2500-мышечнаго и въ 1899 году—1830 случаевъ сочленовнаго и 3779-мышечнаго. Туберкулезъ легкихъ не встрѣчается у кочевниковъ; у народовъ-же, живущихъ осѣдло, особенно среди финляндцевъ, туберкулезъ встрѣчается довольно часто. Тундра является лучшей санаторіей и я видѣлъ поразительные случаи излеченія туберкулеза отъ одного лишь пребыванія въ тундрѣ. Сифились и венерическія болѣзни развиты слабѣе, чѣмъ въ средней Россіи и распространены, главнымъ образомъ, среди приморскаго населенія.

Остановливаясь на интеллектуальномъ развитіи сѣвернаго человека, необходимо отмѣтить, что поморы носятъ признаки людей, богато одаренныхъ природой; ихъ могучее физическое развитіе находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ сильнымъ развитіемъ интеллекта.

Поморы грубы, но ихъ жизнь, полная невзгодъ, ихъ постоянная борьба съ суровымъ моремъ—все это ихъ дѣлаетъ людьми суровыми. Норвежцы, ихъ западные сосѣди, не менѣе грубы, чѣмъ поморы. Поморы невѣжественны и малограмотны, но они стоятъ несравненно выше крестьянъ Средней Россіи. Корелы, лопари и самоѣды—это вырождающіяся племена. Я не знаю, какое заключеніе сдѣлалъ проф. Кожевниковъ, которому въ этомъ году я послалъ черезъ канцелярію Архангельскаго Губернатора два лопарскіе черепа, но думаю, что эти племена никогда не были достаточно развиты и не имѣютъ будущаго. Они вырождаются также, какъ и финляндцы—колонисты Мурмана. У финляндцевъ это вырожденіе отчасти проявляется значительнымъ развитіемъ душевныхъ болѣзней. Точныхъ цифръ я не могу здѣсь привести, потому что ихъ нѣтъ, но собственное наблюденіе показало, что душевныя заболѣванія часто встрѣчаются среди финляндцевъ. Здѣсь наблюдается главнымъ образомъ бредовое помѣшательство съ религіозными идеями и ме-

ланхолія. Напротивъ среди зырянъ довольно часто встрѣчаются маниакальныя формы.

Итакъ мы видимъ, что Сѣверъ Европейской Россіи носитъ первобытный характеръ; культура трудно проникаетъ сюда. Громадныя пространства Сѣвера изолируютъ дѣльныя племена и не позволяютъ имъ быстро сливаться. Медицинское дѣло не можетъ быть правильно поставлено, пока плотность народонаселенія Сѣвера не будетъ увеличена; а до тѣхъ поръ заболѣванія, особенно инфекціонныя, будутъ зависѣть лишь отъ однихъ бытовыхъ условій края.

